
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ РОССИИ И ФРАНЦИИ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

© 2013 г. Е. Пашенко-де Превиль*, Е. Дрозда-Сенковска**

* *PhD*, член Федерации исследователей Института подготовки преподавательских кадров
Орлеанского университета, Франция,
e-mail: elena@depreville.net

** *PhD*, профессор, директор Института Психологии Париж Декарт, Франция

Представлены результаты кросскультурного исследования социальных представлений об ответственности у российских и французских студентов. Сравнительный анализ данных, полученных на первом (1997–1998 гг., $N = 344$) и втором (2004–2005 гг., $N = 810$) этапах исследования, выявил, с одной стороны, различия в социальных представлениях, а с другой – их неодинаковую динамику: об ответственности у студентов двух стран: относительную стабильность у французской молодежи и эволюцию представлений у молодых россиян.

Ключевые слова: социальные представления, трансформация представлений, ответственность, кросскультурный анализ.

Социальная психология, как и другие дисциплины, отстаивает свое право на общественную полезность, претендуя на способность анализировать и объяснять различные явления, как важные, так и второстепенные, которые накладывают отпечаток на общество и общественное сознание. Проиллюстрировать эти тенденции позволяет изучение воздействия социальных, политических и экономических изменений, произошедших в России с конца 1980-х – начала 1990-х годов, на понимание молодыми россиянами ответственности и отношение к ней.

Несомненную актуальность имеют исследования, направленные на изучение воздействия глобального (общесоциального) контекста: социальных, экономических, исторических и идеологических условий [36, 38], а также их изменений, на социальное мышление личности, неотъемлемой частью которого являются социальные представления. Вслед за Д. Жоделе отметим, что социальные представления являются способом интерпретации и осмысления повседневной реальности, определяющим отношение индивидов и групп к ситуациям, событиям и различным объектам [26]. При этом только объект, который является социально значимым и активно обсуждается в обществе, порождает социальные представления [16, 20]. В переходный период от одной социально-экономической системы к другой

таким социально важным объектом выступает *ответственность*. Социальная значимость *ответственности* в жизни общества, по мнению Х.-В. Бьергофа и А.Е. Ауаген, связана с тем, что, устанавливая связь между личностью и обществом, она обуславливает социальную организацию этого общества, основанную на обязательствах и социальном распределении [12].

Ответственность может быть определена как обязанность человека отвечать за свои поступки перед определенными инстанциями, формальными и неформальными [2], в соответствии с определенными процедурами (уголовными, административными и т.п.). Если рассматривать ответственность вне процедурных понятий, то она охватывает также компетентность, власть, руководство, принятие на себя ответственности и предполагает необходимость или моральную обязанность выполнять свой долг и обязательства [21]. Таким образом, ответственность представляет собой аспект уклада жизни людей, который может как противостоять различного рода изменениям, так и эволюционировать вместе с ними.

Среди теоретических моделей, позволяющих рассматривать вопрос влияния изменений окружающей среды на обыденное мышление личности о социально значимых объектах, одним из которых является ответственность, важное место

занимает теория социальных представлений [34], а точнее – структурный подход.

Согласно структурному подходу, а именно теории центрального ядра, у истоков которой стоят исследования Ж.-К. Абрика, социальные представления сформированы из двух систем: центральной и периферической [4, 6, 9]. Центральная система (состоящая из ядерных элементов) связана с историческими, социальными и идеологическими условиями [38]; именно она обеспечивает устойчивость представления. Другими словами, центральное ядро представляет собой совокупность самых стабильных элементов представления, которые являются наиболее устойчивыми к изменениям. Периферическая система, наоборот, гораздо более чувствительна к непосредственному (ситуационному) контексту, с которым сталкиваются индивиды, с присущей ему долей случайности. Периферическая система способствует адаптации и прогрессивной эволюции представления, предохраняя от изменений центральную систему. Таким образом, структурный подход позволяет осмыслить потенциальную эволюцию представления, возникающую в ответ на изменения в окружающей среде.

Одним из первых модель трансформации социальных представлений предложил К. Фламен [18]. Согласно этой модели, в первую очередь изменяются условия окружающей среды, что приводит к изменению образа жизни и деятельности людей, а это, в свою очередь, вызывает изменения социального представления. При этом степень трансформации представления может быть различной: от изменения его периферических элементов до радикальной трансформации, затрагивающей центральное ядро [5, 17].

Ж.-К. Абрик и К. Гимелли наглядно показали, что на социальное представление могут оказывать влияние два типа контекстов: непосредственный (ситуационный) и глобальный (общесоциальный) контекст [11]. Причем если непосредственный контекст трансформирует представление на уровне его периферических составляющих, то модификация глобального может иметь серьезные последствия для внутренней организации поля представления [40]. То есть, если социальная или физическая среда не претерпевают никаких изменений, социальное представление, по идее, не должно измениться. Однако окружающая среда меняется постоянно, при этом не все происходящие события вовлекают в них человека в одинаковой степени, поскольку они не имеют одинаковых последствий для его образа жизни и деятельности. Таким образом, не размах или значение события самого по себе влияет на об-

раз жизни индивидов, а прежде всего значимость данного события для определенной группы.

Детерминирующая роль практической деятельности в формировании социальных представлений достаточно хорошо продемонстрирована и не раз обсуждалась в научных кругах [7, 17, 22, 23], как и связь между структурой представления и восприятием изменения ситуации/контекста как необратимых [29, 39]. Восприятие необратимости ситуации влияет на центральную систему представления, приводя к ее изменениям, вызывая структурную модификацию представления, а восприятие изменения контекста как обратимого оказывает влияние только на периферическую систему и приводит лишь к незначительному изменению представления [29].

Новый образ жизни и деятельности людей может выступать как *совместимый* или *несовместимый* по отношению к прежнему [7, 14, 17]. Ситуация, которая провоцирует новый образ жизни и деятельности, может восприниматься как *обратимая* (возвращение к прежней ситуации и прежней жизни и деятельности представляется возможным) или *необратимая* (возвращение не представляется возможным) [14, 39 и др.].

В *целях* выявления влияния общесоциального контекста (социальных, экономических и других условий) и его изменений на содержание и структурные особенности социальных представлений об ответственности российских и французских студентов в 1997–1998 и 2004–2005 гг. было проведено эмпирическое исследование [3, 35]. Российское общество в эти годы подвергалось серьезным изменениям в различных сферах общественной жизни, тогда как французское характеризовалось относительной стабильностью. Изменения, произошедшие в России в переходный период, в настоящее время представляются необратимыми, однако с меньшей уверенностью можно утверждать, что они воспринимались как таковые на момент проведения исследования. Тем не менее мы предполагаем, что необратимость ситуации наблюдалась и была воспринята в меньшей степени в 1997–1998, чем в 2004–2005 годах. Исходя из того, что в условиях необратимости ситуации (невозможности возврата к прежним условиям жизни и деятельности) можно наблюдать радикальную трансформацию представления, нам представляется возможным ожидать радикальное изменение социального представления об ответственности у молодых россиян между двумя этапами нашего исследования в сравнении с относительно стабильными представлениями французской молодежи.

В процессе достижения исследовательской цели нами были выдвинуты *гипотезы*.

1. Существуют различия в социальных представлениях об ответственности у российских и французских студентов, которые могут быть показаны через отличие центральных (ядерных) элементов [6, 32] представлений.

2. Произошла радикальная трансформация представлений об ответственности у российских студентов в интервале между двумя этапами исследования (1997–1998 и 2004–2005 гг.), затрагивающая центральную систему представления, в связи с глубокими изменениями российского общесоциального контекста (политического, экономического и социального).

3. Процесс трансформации социальных представлений об ответственности у молодых россиян не закончен в соответствии с темпоральностью трансформации социальных представлений (временным отрезком, необходимым для этой трансформации) [22, 42].

4. Социальные представления об ответственности были стабильными у молодых французов в связи с относительной стабильностью общесоциального контекста во Франции в период между исследовательскими “срезами”: центральная система их представления об ответственности не будет модифицирована.

МЕТОДИКА

Участниками исследования выступили студенты факультетов правоведения, экономики и психологии московских и парижских университетов. В 1997–1998 гг. в исследовании приняли участие 364 человека: 211 французских и 153 российских студента, в 2004–2005 гг. – 810 студентов (435 французов и 375 россиян). Выборки были сбалансированы по возрасту, средний возраст участников исследования (как российских, так и французских) – около 21 года.

Исследование было проведено в виде опроса молодых людей в России и Франции. Первый этап был осуществлен в 1997–1998 гг., второй – в 2004–2005 гг.

Были использованы следующие *методики*. В процессе каждого исследовательского “среза” как основной был применен метод свободных ассоциаций. Основное его преимущество, как известно, заключается, с одной стороны, в большой информативности, а с другой – в легкости использования [13]. Респондентов просили указать слова и выражения, которые им приходят спонтанно на ум при предъявлении слова-стимула; количество ожидаемых ответов оговаривается заранее.

В качестве дополнительных были применены следующие методики: в 1997–1998 гг. – парные сравнения, в 2004–2005 гг. – автораспределение, на основе которых были сконструированы опросники с использованием данных, полученных с помощью метода свободных ассоциаций.

Целесообразность использования метода парных сравнений в исследованиях социальных представлений была описана Ж. Ле Бuedэком [27]. Данный прием заключается в предоставлении респондентам совокупности пар терминов для оценки по шкале сходства между терминами каждой пары. На основании полученных данных создаются матрицы сходств, которые подвергаются статистической обработке для выявления, в частности, структуры семантического поля представления.

Метод автораспределения является разновидностью “Опросника характеристики”, предложенного К. Фламеном [19] и используется в исследованиях социальных представлений для выявления структуры представления, а точнее – принадлежности того или иного элемента представления к центральному ядру [8, 10, 45, 47]. В основе данного метода лежит идея о том, что одним из свойств ядерных элементов является то, что они в большей степени характеризуют объект представления, чем нецентральные элементы, так как именно центральное ядро определяет смысловую значимость социального представления.

Процедура исследования. Респонденты отвечали индивидуально, в письменном виде и на родном языке (русском или французском). Каждый респондент ответил только на один из использованных в исследовании опросников.

В первой части каждого этапа исследования были получены ассоциации на слово-стимул “ответственность”: респондентам ($N = 151$ – французов, $N = 91$ – россиян и $N = 307$ – французов, $N = 192$ – россиян, соответственно) предлагалось назвать четыре слова, спонтанно приходящих на ум при слове “ответственность”.

В 1997–1998 гг. на основе полученных ассоциаций, приведенных в ответах как минимум 10% опрошенных студентов, были составлены пары слов¹, предложенные затем респондентам ($N = 60$ – французы; $N = 62$ – россияне) для указания степени смыслового сходства между слова-

¹ Например, на основе трех ассоциаций, приведенных респондентами к слову *ответственность*: “совесть”, “долг”, “зрелость”, – были составлены следующие пары слов: ответственность–совесть, долг–ответственность, ответственность–зрелость, зрелость–совесть, совесть–долг, долг–зрелость.

ми каждой пары с использованием семибалльной шкалы оценок (от “0” – “никакого сходства” до “7” – “очень сильное сходство”); порядок предъявления пар слов варьировался.

В 2004–2005 гг. ассоциации, приведенные респондентами на слово-стимул “ответственность” и обработанные с помощью прототипического анализа², были использованы в качестве основы для опросника, разработанного на базе метода автораспределения. При работе с этим опросником респондентам ($N = 128$ – французы, $N = 183$ – россияне) предлагалось ранжировать слова из предъявленного списка по блокам в зависимости от того, насколько они характеризуют понятие “ответственность” (как наиболее точно характеризующие понятие ответственности или наоборот, как наименее точно его характеризующие)³.

Обработка полученных данных. Ассоциации, приведенные респондентами на слово-стимул “ответственность”, на каждом этапе исследования были проанализированы с помощью программного обеспечения “EVOC 2000©” [46]. Для выявления структурного статуса каждого элемента использовались два показателя: частотность ассоциации и ранг ее появления в ответах респондентов. В соответствии с прототипическим методом анализа, предложенным П. Вержесом, центральные элементы представления являются не только высокочастотными, но и приводятся респондентами в числе первых рангов [43]. Конгруэнтность этих двух показателей (высокой частотности и низкого ранга) представляет собой показатель центральности элемента⁴. На основании пересече-

чения показателей частотности и среднего ранга каждой приведенной ассоциации составляются таблицы, состоящие из четырех квадратов (см. табл. 1–4). Квадрат, который находится в левом верхнем углу таблицы, объединяет слова с высокой частотностью и низким рангом (наиболее часто присутствующие в ответах респондентов и в самых первых рангах). Это элементы, с достаточно высокой степенью вероятности принадлежащие к центральному ядру представления⁵. В правом нижнем углу расположен квадрат, который содержит термины, редко встречающиеся в ответах респондентов и приведенные ими в последних рангах – это зона самых периферийных элементов. В двух других квадратах содержится информация о двух противоречивых показателях: о высокочастотных ассоциациях, но приведенных в последних рангах (правый верхний квадрат), и об ассоциациях, которые цитируются в первых рангах, но малым количеством респондентов (левый нижний квадрат). По мнению П. Вержеса, это также зоны периферии, но являющиеся дисбалансированными, которые могут служить источником потенциальных изменений представления [43, 44].

Выбор частотного порога при обработке полученных ассоциаций в каждой группе респондентов опирался на логарифмический закон ZIPF [43, 46]⁶.

Данные, полученные с использованием опросников парных сравнений и автораспределения, были обработаны с помощью программы *Statistica*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В процессе проведенного исследования на разных его этапах были получены следующие результаты⁷.

Этап 1997–1998 гг.

Прототипический анализ ассоциаций французских студентов к слову “ответственность” представлен в табл. 1.

² Исходя из нашей гипотезы о трансформации социального представления об ответственности у молодых россиян, мы использовали ассоциации не только из так называемой зоны ядра, но и из потенциальной зоны изменения представления, то есть из квадратов 1, 2 и 3 (см. табл. 2). Это несколько усложнило процедуру проведения опроса из-за увеличенного количества предъявляемых в списке для автораспределения элементов и привело к некоторой несбалансированности полученных блоков, которая была откорректирована в процессе статистической обработки данных. Подобная процедура применена и к данным, полученным на французской выборке, а также на французской выборке ($N = 194$) при тестировании опросника была дополнительно использована и другая процедура (см. [35]).

³ Кодирование ответов респондентов в зависимости от обозначения ими степени характеристики тем или иным термином понятия *ответственность* было осуществлено по пятибалльной шкале от “1” (наименее характеризующий ответственность) до “5” (наиболее характеризующий ответственность).

⁴ Отметим, что речь идет только о количественной идентификации центральных (ядерных) элементов, т.к. для подтверждения и контроля “центральности” выделенных элементов необходимо использование других предложенных для этой цели методов [25, 30, 31].

⁵ Как известно, именно в этом квадрате находятся ядерные элементы, но при этом не все элементы, которые в нем фигурируют, являются таковыми [10].

⁶ Как правило, количественным показателем центральности элемента считается его появление в ответах не менее чем 10% респондентов [28].

⁷ Представленные результаты ограничены описанием структурного анализа. Подробные результаты анализа полученных данных, а также выявленные особенности представлений об ответственности у российских и французских студентов см. в нашей работе [35].

Таблица 1. Структурный статус элементов социального представления об ответственности у французских студентов в 1997–98 гг.⁸

Частота ассоциации		Средний ранг ассоциации	
		< 2.5	≥ 2.5
10 Λ	Взрослость (16; 1.7)	Уголовная (10; 2.7)	
	Деликтная ответственность (11; 2.3)		
	Принятие ответственности (10; 2.4)		
	Сознательность (12; 2.3)		
	Обязательства (13; 2.5)		
	Зрелость (28; 1.8)		
10 ∇	Гражданская (9; 2.3)	Долг (8; 2.9)	
	Доверие (8; 2.3)		
	Серьезность (8; 1.8)		
		Договорная (7; 2.6)	
		Нагрузка (8; 3.1)	
		Поступок (6; 2.5)	

Примечание. В скобках указана частота встречаемости и значение среднего ранга термина.

Из таблицы видно, что в ответах французских студентов наиболее часто встречающимися в первых рангах являются термины *взрослость*, *зрелость*, *сознательность*⁹, *принятие ответственности*¹⁰, *обязательства* и *деликтная ответственность*¹¹. Это позволяет говорить об их предположительной принадлежности к централь-

ному ядру представления об ответственности у французских студентов на данном этапе исследования.

Результаты прототипического анализа ассоциаций, приведенных российскими студентами к слову “ответственность”, представлены в табл. 2.

Данные позволяют предположить, что центральными в структуре представления об ответственности российских студентов являются: *долг*, *обязанность*, *порядочность*, *пунктуальность*.

Как известно, прототипический анализ позволяет лишь выдвигать гипотезы о принадлежности к центральному ядру элементов, имеющих высокий показатель частоты встречаемости и низкое значение ранга, т.е. тех, которые находятся в верхнем левом квадрате таблицы, ибо не все элементы, которые находятся в этом квадрате, являются ядерными [10, 41]. Для того чтобы выделить ядерные элементы, нами был осуществлен анализ данных, полученных с помощью опросников парных сравнений¹² (в 1997–1998 гг.) и авто-распределения (в 2004–2005 гг.), направленный на выявление центрального статуса выделенных

Таблица 2. Структурный статус элементов социального представления об ответственности у российских студентов в 1997–98 гг.

Частота ассоциации		Средний ранг ассоциации	
		< 2.5	≥ 2.5
10 Λ	Долг (27; 2.0)*	Наказание (12; 3.0)	Совесть (19; 2.5)
	Обязанность (10; 2.4)		
	Порядочность (10; 2.2)		
	Пунктуальность (11; 1.6)		
< 10	Добросовестность (6; 1.8)	Надежность (6; 3.3)	Серьезность (6; 2.7)
	Забота (7; 1.9)		
	Закон (9; 2.3)		
	Обязательность (9; 2.0)		
	Обязательство (8; 2.0)		
	Ответственность (6; 1.7)		
	Работа (8; 1.8)		
	Уголовная (9; 2.1)		

Примечание. В скобках указана частота встречаемости и значение среднего ранга термина.

⁸ Представленный в таблице анализ был проведен на основе протоколов ответов 83 французских студентов. Всего с помощью методики свободных ассоциаций на данном этапе исследования было опрошено 115 студентов факультета правоведения и 36 студентов-психологов, но количество используемых протоколов ответов французских студентов факультета правоведения произвольно было ограничено до 47. Отметим, однако, что на основании предварительного анализа, проведенного на французской выборке в целом ($N = 151$), были получены сходные результаты.

⁹ Многозначность слова “*conscience*” во французском языке затрудняет перевод (оно может быть переведено как сознательность, совесть или сознание), но опираясь на результаты кластерного анализа (см. [35]) можно с достаточной высокой степенью уверенности предположить, что речь идет скорее о сознательности, чем, например, о совести.

¹⁰ Выражение “принятие ответственности” (другими словами, “брать на себя ответственность”) предлагается нами для перевода с французского языка термина “*assumer*” [responsabilité]. Французский термин был переведен на русский язык целой фразой, тем не менее в тексте мы будем употреблять слово “термин” по отношению к словосочетанию “принятие ответственности”, так как во французском языке речь идет об одной словесной единице.

¹¹ “Деликтная ответственность” – в гражданском праве: ответственность, возникающая в связи с причинением имущественного вреда одним лицом другому в результате гражданского правонарушения (деликта).

¹² Полностью описание результатов кластерного анализа и многомерного шкалирования данных, полученных с помощью опросника парных сравнений, представлено в нашей работе [35].

элементов. При этом, с одной стороны, мы опирались на идею К. Фламена о том, что центральные элементы должны обозначаться респондентами как наиболее характеризующие объект социального представления или определяться ими как самые сходные по смыслу с объектом представления (с ответственностью), то есть иметь высокие *средние* значения [19], а с другой стороны – на мнение П. Вержеса, согласно которому, для того чтобы сделать вывод о принадлежности элемента к центральному ядру, необходимо, чтобы высокие *средние* значения были подкреплены кривой распределения в форме “J”, т.е. распределением, форма которого наклонена (стремится) к верхней части шкалы [45]. По этому поводу Ж.-К. Абрик отметил, что такая форма распределения указывает на центральность элементов в силу того, что они были выбраны как наиболее характеризующие объект представления большим количеством респондентов [10].

Анализ данных, полученных при ответах французских студентов на опросник парных сравнений, показал, что самые высокие *средние* оценки сходства¹³ с понятием ответственность имеют следующие термины: *взрослость* ($M = 5.52$), *принятие ответственности* ($M = 5.20$) и *обязательства* ($M = 6.00$). Это позволяет говорить о центральности только этих трех элементов из всех в верхнем левом квадрате таблицы, так называемой зоны ядра (см. табл. 1), что подтверждается графическим представлением распределений (см. рис. 1–3). Так, на рисунках видно, что кривая на графическом изображении распределения средних оценок сходства с понятием ответственности термина *взрослость* (рис. 1) достаточно выражено клонится к верхнему пределу шкалы (к оценке 7 баллов); термина *принятие ответственности* – также направлена вверх (рис. 2), к шести баллам и лишь немного опускается к семи (то есть этот термин немного меньше отвечает на обозначенный критерий). Форма распределения кривой при оценке термина *обязательства* (рис. 3) явно направлена к семи баллам и является наиболее ярко выраженной формой распределения “J”.

Анализ данных, полученных при ответах российских студентов на опросник парных сравнений, показал, что высокие *средние* значения оценок сходства с понятием ответственности имеют следующие термины: *долг* ($M = 4.29$), *обязанность*

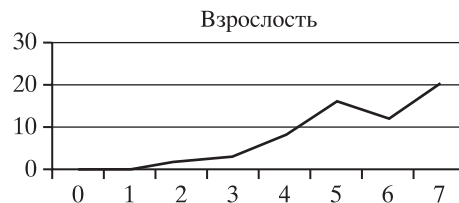

Рис. 1. Распределение ответов французских студентов в отношении термина “взрослость” в 1997–1998 гг.

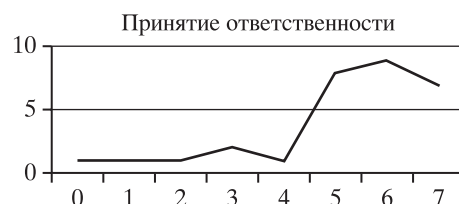

Рис. 2. Распределение ответов французских студентов в отношении термина “принятие ответственности” в 1997–1998 гг.

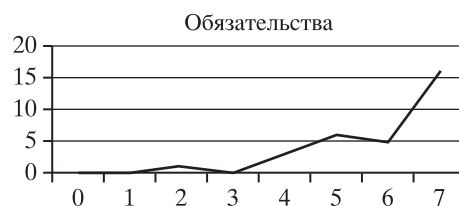

Рис. 3. Распределение ответов французских студентов в отношении термина “обязательства” в 1997–1998 гг.

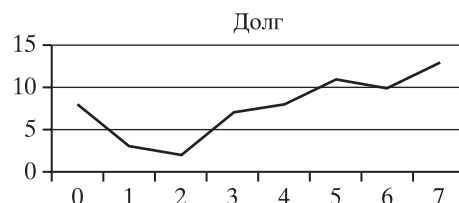

Рис. 4. Распределение ответов российских студентов в отношении термина “долг” в 1997–1998 гг.

($M = 4.38$) и *порядочность* ($M = 4.27$)¹⁴. Форма распределения при графическом изображении направлена к верхней части шкалы только в случае терминов *долг* (рис. 4) и *обязанность* (рис. 5). Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует об их принадлежности к центральному ядру представления об ответственности у российских

¹³ Сходство оценивалось по семибалльной шкале: от “0” – “никакого сходства с ответственностью” до “7” – “очень сильное смысловое сходство”.

¹⁴ Более низкие количественные показатели средних оценок, полученные на российской выборке, могут в определенной степени служить показателем уже начавшегося транзитивного (переходного) состояния представления об ответственности у российской молодежи.

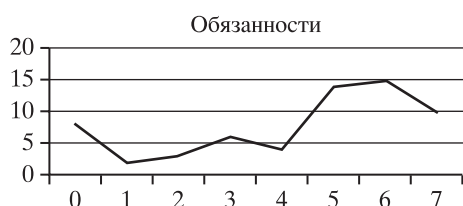

Рис. 5. Распределение ответов российских студентов в отношении термина "обязанности" в 1997–1998 гг.

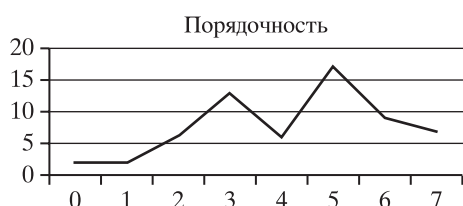

Рис. 6. Распределение ответов российских студентов в отношении термина "порядочность" в 1997–1998 гг.

студентов. Форма распределения средних оценок сходства термина *порядочность* с понятием ответственности (рис. 6) не позволяет сделать вывод о его центральности, но может свидетельствовать о существовании двух подгрупп респондентов с противоположным мнением по отношению к данному элементу [10, 45]. Это позволяет нам предположить, что среди опрошенных молодых людей существуют две подгруппы: для одних порядочность характеризует понятие *ответственность*, а для других – нет.

Таким образом, осуществленный анализ позволяет сделать вывод о том, что центральными элементами социального представления об ответственности у французских студентов в конце 1990-х гг. являлись *взрослость*, *принятие ответственности* и *обязательства*, а у российских – *долг* и *обязанности*.

Этап 2004–2005 гг.

Прототипический анализ ассоциаций, полученных на французской выборке в 2004–2005 гг., позволил выявить предположительную принадлежность к центральному ядру представления об ответственности у французских студентов терминов *взрослость*, *принятие ответственности*, *самостоятельность*, *доверие*, *сознательность*, *долг*, *обязательства*, *вина* и *зрелость* (см. верхний левый квадрат табл. 3).

Терминами, в отношении которых можно предположительно говорить как о ядерных элементах представлений об ответственности у российских студентов в этот период, являлись *долг*, *исполни-*

Таблица 3. Структурный статус элементов социального представления об ответственности французских студентов в 2004–2005 гг.

		Средний ранг ассоциации	
		< 2.9	≥ 2.9
Частота ассоциации	22 ^	Доверие (29; 2.8)* Долг (65; 2.3) Взрослость (52; 2.8) Вина (30; 2.5) Зрелость (65; 2.7) Обязательства (42; 2.1) Принятие ответственности (34; 2.0) Самостоятельность (32; 2.6) Сознательность (27; 2.8)	Уважение (22; 3.2) Работа (27; 3.0)
	22 v	Авторитет (15; 2.7) Гражданская (19; 1.7) Деликтная (14; 2.9) Нагрузка (20; 2.3) Ребенок (20; 2.5) Семья (21; 2.7) Совершеннолетие (14; 2.9) Мораль (14; 2.4) Обязанность (20; 2.3) Организация (15; 2.6) Ответственность (13; 2.6) Принятие (17; 2.0) Родители (17; 2.2) Серьезность (16; 2.9)	Поступок (19; 2.9) Принуждение (15; 3.3) Право (18; 3.1) Решение (16; 3.1) Власть (21; 3.0) Уголовная (13; 2.9)

Примечание. В скобках указана частота встречаемости и значение среднего ранга термина.

тельность, *обязательность*, *обязанность*, *пунктуальность*, *серьезность* и *честность* (табл. 4).

Анализ данных, полученных с использованием опросника автораспределения на французской выборке, показал, что терминами, которые имеют самые высокие *средние* значения оценок степени близости по характеристике к понятию *ответственность*, являлись: *принятие ответственности* ($M = 4.18$) и *обязательства* ($M = 3.85$). Относительно распределения ответов в графическом виде, на основе критерия центральности, предложенного П. Вержесом (для ответов с высокими значениями средних они должны быть в форме "J") [45], было установлено следующее. Два выделенных термина – *принятие ответственности* и *обязательства* – являются центральными

Таблица 4. Структурный статус элементов социального представления об ответственности у российских студентов в 2004–2005 гг.

		Средний ранг ассоциации	
		< 2.9	≥ 2.9
Частота ассоциации	17 Λ1	Долг (37; 2.0)* Исполнительность (21; 2.3) Обязательность (18; 2.7) Обязанность (28; 2.6) Пунктуальность (40; 2.2) Серьезность (22; 2.7) Честность (17; 2.6)	Забота (19; 3.0) Закон (21; 2.9) Работа (28; 3.0)
	< 17	Добросовестность (9; 2.3) Надежность (12; 2.7) Наказание (12; 2.6) Обязательство (16; 2.6) Порядочность (10; 2.3) Родители (8; 2.7) Самостоятельность (7; 2.3) Семья (16; 2.8) Сила (7; 2.9) Старательность (12; 2.5) Точность (16; 2.5) Человек (7; 2.6)	Выполнение (12; 3.3) Дело (7; 3.9) Жизнь (9; 3.6) Кодекс (7; 3.4) Понимание (9; 3.8) Решительность (7; 4.6) Совесть (8; 3.3) Целеустремленность (8; 3.1) Учеба (9; 3.7) Уверенность (12; 2.9)

Примечание. В скобках указана частота встречаемости и значение среднего ранга термина.

элементами социального представления об ответственности французских студентов в 2004–2005 гг., т.к. графическое изображение распределений ответов респондентов о степени их близости по характеристике к понятию *ответственность* соответствует заданному критерию (рис. 7–8).

Анализ данных, полученных по опроснику автораспределения на российской выборке, позволил выявить следующие термины с самыми высокими средними: *добросовестность* ($M = 3.92$); *исполнительность* ($M = 3.93$); *надежность* ($M = 4.00$) и распределение ответов в графическом виде в форме *J*, которое наблюдается по отношению к этим терминам (рис. 9–11). Эти результаты позволяют заключить, что термины *добросовестность*, *исполнительность* и *надежность* являлись

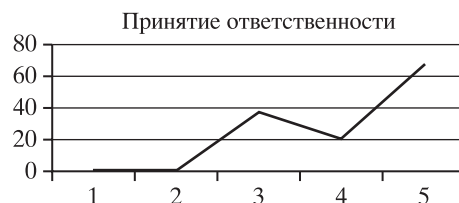

Рис. 7. Распределение ответов французских студентов в отношении термина “принятие ответственности” в 2004–2005 гг.

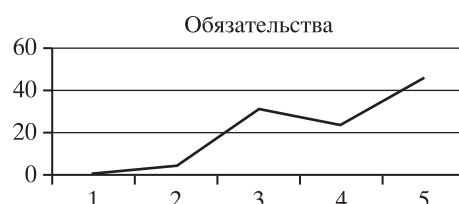

Рис. 8. Распределение ответов французских студентов в отношении термина “обязательства” в 2004–2005 гг.

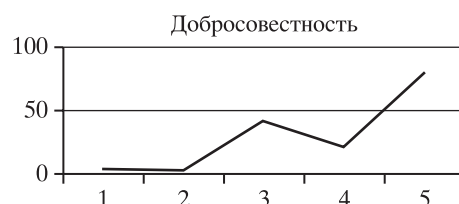

Рис. 9. Распределение ответов российских студентов в отношении термина “добросовестность” в 2004–2005 гг.

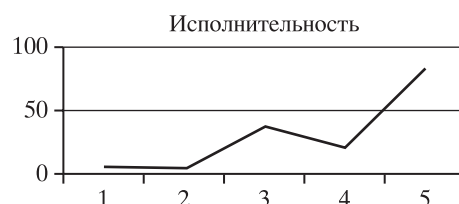

Рис. 10. Распределение ответов российских студентов в отношении термина “исполнительность” в 2004–2005 гг.

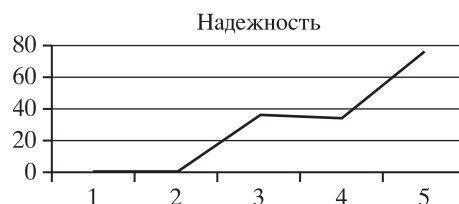

Рис. 11. Распределение ответов российских студентов в отношении термина “надежность” в 2004–2005 гг.

центрными элементами социального представления об ответственности у российских студентов на данном этапе исследования.

В отношении терминов *добросовестность* и *надежность* необходимо отметить, что по ре-

зультатам прототипического анализа (табл. 4) видно, что они находились в левом нижнем квадрате таблицы, то есть в зоне потенциального изменения представления. Это может указывать на то, что социальное представление об ответственности у российских студентов в период проведения второго этапа исследования еще не было окончательно сформировано.

Таким образом, осуществленный анализ данных, полученных в 2004–2005 гг., позволяет сделать вывод о том, что центральными элементами социального представления об ответственности у французских студентов в этот период являлись *принятие ответственности* и *обязательства*, а у российских – *добросовестность*, *исполнительность* и *надежность*.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенный нами структурный анализ результатов исследования 1997–1998 гг. показал, что центральные элементы представлений об ответственности у французских и российских студентов различны: у французских это *взрослость*, *обязательства* и *принятие ответственности*, у российских – *долг* и *обязанности*. Тем самым подтверждена первая гипотеза, ибо два представления считаются различными, если они не имеют одинаковых центральных ядер. Так как именно центральные элементы определяют значение и смысл каждого социального представления, мы можем сделать вывод о том, что французские студенты представляли ответственность иначе, чем российские. Проинтерпретировать это различное представление об ответственности представителями молодого поколения разных национальностей нам представляется возможным, исходя из влияния общего социального контекста, а именно социальных, исторических и идеологических условий на центральное ядро [11, 38]. До недавнего времени российское общество характеризовалось государственным патернализмом, чрезмерной экономической и политической централизацией – это условия, которые не являются благоприятными для возникновения общественных отношений, способствующих проявлению инициативы и ответственности личности, приводящие к такому явлению, как уход от ответственности [1]. Социальные представления об ответственности у российских студентов в конце 1990-х годов носили отпечаток коллективистского общества с его концепцией индивида “должного и обязанного тру-

диться на благо общества”¹⁵. Временной отрезок не был достаточным для изменения социального представления: для его трансформации необходим достаточно длительный период времени, порядка одного поколения [22, 42]. В противоположность коллективистскому обществу, французское общество на момент проведения исследования характеризовалось (и продолжает характеризоваться) как общество индивидуалистической культуры, ставящей на первое место индивида с присущими ему характеристиками “самодостаточности, независимости и самостоятельности” [15, с. 59]. Неудивительно, что центральными элементами, структурирующими представления об ответственности у французских студентов, являлись термины *взрослость*, *принятие на себя ответственности* и *обязательства*.

На основании того, что глубокое изменение представления (его центральной системы) может быть вызвано изменением контекста (ситуации) и его необратимостью [18, 39], выдвинуто предположение о том, что у российских студентов будут выявлены изменения, затрагивающие центральное ядро представления об ответственности, на втором этапе исследования в 2004–2005 гг. Именно такие изменения были обнаружены: если в 1997–1998 гг., центральными элементами их представлений были *долг* и *обязанность*, то в 2004–2005 – *добросовестность*, *исполнительность* и *надежность*, иными словами, ядро состояло из понятий, связанных с качествами личности. Данный факт позволяет нам говорить о процессе интериоризации понимания ответственности молодыми россиянами. Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась: было выявлено изменение представления об ответственности у российских студентов между первым и вторым этапами исследования.

Полученные результаты позволяют также заключить (в подтверждение третьей гипотезы), что представление российских студентов об ответственности в 2004–2005 годах находилось в процессе трансформации, и его ядро еще не было полностью сформировано.

В подтверждение четвертой гипотезы необходимо подчеркнуть выявленную стабильность центрального ядра системы представлений об ответственности у французских студентов между двумя этапами исследования. Наблюдается лишь незначительное изменение представления

¹⁵ Следует отметить, что ссылка на долг и обязанности в связи с ответственностью имеет более глубокую традицию, как об этом свидетельствует анализ словарей русского языка XIX–XX вв. (см. [35]).

об ответственности у молодых французов. В 1997–1998 гг. три термина были выделены как центральные в социальном представлении французских студентов об ответственности: *взрослость*, *принятие на себя ответственности* и *обязательство*. В 2004–2005 гг. термин *взрослость* покинул центральную позицию, что, однако, не изменило смыслового значения ядра представления, ибо термин *взрослость* по результатам кластерного анализа [35] имел для французских студентов смысл, близкий к термину *принятие ответственности на себя*. Представление об ответственности у французских студентов практически не изменилось, что может быть связано отчасти с инерцией, которая свойственна каждому стабилизированному представлению [33], но и с относительной стабильностью социального контекста во Франции между двумя этапами данного исследования.

Анализ данных, полученных на втором этапе исследования, позволил выявить различия в составе центральных ядер представлений об ответственности у французских и российских студентов. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что в 2004–2005 гг. французские студенты также представляли ответственность иначе, чем российские студенты, т.е. социальные представления об ответственности представителей разных стран являлись различными. Но природа этого различного понимания ответственности отличается от периода 1997–1998 гг.: если в 2004–2005 гг. центральными элементами представления об ответственности у французских студентов продолжали оставаться понятия, связанные с принятием личностью ответственности и ее обязательствами, то центральными элементами представлений об ответственности молодых россиян на этом этапе были уже понятия, обусловленные не должествованием, а качествами личности. Среди этих качеств два являются связанными со сферой деятельности (*добросовестность* и *исполнительность*), а третье – *надежность* – касается отношений между людьми и ценится в социальном плане.

Таким образом, анализ данных двух этапов исследования позволил продемонстрировать различие социальных представлений об ответственности у молодых россиян и французской молодежи и в 1997–1998, и в 2004–2005 гг., что согласуется с утверждениями структурного подхода [6, 38], а именно с тем, что формирование центрального ядра представления зависит от общесоциального контекста (социальных, исторических и идеологических условий). Разница в представлениях

об ответственности у российских и французских студентов может быть объяснена через отличие контекстов двух стран.

Кроме того, сравнение результатов двух этапов исследования (1997–1998 гг. и 2004–2005 гг.) позволило выявить изменения в представлениях об ответственности у российских студентов, что объясняется новыми социальными, политическими и экономическими условиями, приведшими к изменениям в образе жизни и деятельности, причем эти изменения носили необратимый характер.

Проведение двух серий исследования с интервалом в несколько лет позволило включить в круг анализа такой фактор, как влияние изменений политического, социального и экономического контекста на социальные представления, что оказалось особенно результативным в отношении России, где изменения носили масштабный характер. Результаты, доказывающие эволюцию в представлениях об ответственности у молодых россиян, отражают также интеграцию личности в социально-экономический процесс: в представлениях об ответственности появились термины, относящиеся к социально-экономической деятельности, т.е. к новому образу жизни.

Выполненное исследование помогло проследить эволюцию социального представления во времени, а также оценить временной отрезок и факторы, необходимые для такого изменения. Показано, что, во-первых, процесс трансформации социального представления такого сложного понятия, как ответственность, является достаточно долгим, и, во-вторых, что необратимые изменения в глобальном социальном контексте являются факторами, играющими первостепенную роль в этом процессе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показали существование различий в представлениях об ответственности российских и французских студентов. Молодые французы понимали данное понятие, прежде всего, как ответственность, принимаемую на себя. У российской молодежи в конце 1990-х годов центральное ядро социального представления об ответственности включало элементы, связанные с должествованием (*долг* и *обязанности*). В 2004–2005 гг. их представление изменилось: центральными элементами представления об ответственности стали *добросовестность*, *исполнительность* и *надежность*. Ответственность, по результатам исследования, стала трактоваться молодыми россиянами как личное дело индиви-

да, обладающего определенными качествами и навыками. Таким образом разница между двумя представлениями у российских и французских студентов продолжала существовать, но изменилась ее сущность. В определенной степени можно говорить о некотором сближении представлений об ответственности у русских и французских студентов в направлении ее интериоризации.

Кроме того, если представления об ответственности у французской молодежи оставались относительно стабильными, то представления молодых россиян претерпели глубокие изменения, затрагивающие центральное ядро, т.е. радикальную трансформацию этих представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983.
3. Пащенко-де Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е. Понимание личностью ответственности в условиях изменяющегося общества // Современная личность. Психологические исследования / Отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. М.: Институт Психологии РАН, 2012. С. 229–247.
4. Abric J.-C. Jeux, conflits et représentations sociales / Thèse d'Etat. Aix en Provence: Université de Provence, 1976.
5. Abric J.-C. Central System, Peripheral System: their Functions and Roles in the Dynamic of Social Representations // *Papiers on social representations*. 1993. V. 2 (2). P. 75–78.
6. Abric J.-C. Les représentations sociales, aspects théoriques // *Pratiques sociales et représentations* / Ed. J.-C. Abric. Paris: PUF, 1994. P. 11–36.
7. Abric J.-C. Pratiques sociales, représentations sociales // *Pratiques sociales et représentations* / Ed. J.-C. Abric. Paris: PUF, 1994. P. 217–238.
8. Abric J.-C. L'étude des représentations sociales de la banque en France : une nouvelle approche méthodologique // *Social Representations and Contemporary Social Problems* / Éd. V. Rigas. Athènes: Ellinika grammata, 1998. P. 3–10.
9. Abric J.-C. L'approche structurale des représentations sociales: développements récents // *Psychologie et Société*. 2001. V. 4. P. 81–103.
10. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / Ed. J.-C. Abric. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80.
11. Abric J.-C., Guimelli C. Représentations sociales et effets de contexte // *Connexions*. 1998. № 72/2. P. 23–37.
12. Bierhoff H.W., Auhagen A.E. Responsibility as a fundamental human phenomenon // *Responsibility. The many faces of a social phenomenon* / Eds. A.E. Auhagen, H.W. Bierhoff. London: Routledge, 2001. P. 1–8.
13. De Rosa A.S. Le "réseau d'associations" comme méthode d'étude dans la recherche sur les représentations sociales: structure, contenus et polarité du champ sémantique // *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 1995. № 28. P. 96–122.
14. Drozda-Senkowska E., Dubois N., Mollaret P. *Psychologie sociale*. Paris: PUF, 2010.
15. Dubois N. Approches socio-cognitives // *Psychologie sociale et Ressources humains* / Eds. A. Trognon, M. Bromberg. Paris: PUF, 2008. P. 33–94.
16. Flament C. Pratique et représentations sociales // *Perspectives cognitives et conduites sociales. Théories implicites et conflits cognitifs* / Eds. J.-L. Beauvois, R.-V. Joule, J.-M. Monteil. Cousset: DelVal, 1987. Vol. 1. P. 143–150.
17. Flament C. Structure et dynamique des représentations sociales // *Les représentations sociales* / Ed. D. Jodelet. Paris: PUF, 1989. P. 204–219.
18. Flament C. Structure, dynamique et transformation des représentations sociales // *Pratiques sociales et Représentations* / Ed. J.-C. Abric. Paris : PUF, 1994. P. 37–57.
19. Flament C. Approche expérimentale de type psychophysique dans l'étude d'une représentation sociale // *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 1995. № 28. P. 67–76.
20. Gaffié B. Quand la confrontation des principes affecte l'espace représentationnel des explications // *Actes de la Cinquième Conférence internationale sur les Représentation sociale*. Montreal, 2000. P. 214–215.
21. *Grand Dictionnaire de la Psychologie*. Paris: Larousse, 1996.
22. Guimelli C. Pratiques nouvelles et transformations sans rupture d'une représentation sociale: la représentation de la chasse et de la nature // *Perspectives cognitives et conduites sociales. T. 2. Représentations et processus sociocognitifs* / Eds. J.-L. Beauvois, R.-V. Joule, J.-M. Monteil. Cousset: Del Val, 1989. P. 117–141.
23. Guimelli C. La fonction d'infirmière. Pratiques et représentations sociales // *Pratiques sociales et représentations* / Ed. J.-C. Abric. Paris: PUF, 1994. P. 83–108.
24. Guimelli C. Le système central des représentations sociales: perspectives théoriques et empiriques récentes. Introduction à la table ronde // *Actes de la Cinquième conférence internationale sur les représentations sociales*. Montréal, 2000. P. 87.
25. Guimelli C., Rouquette M.L. Contribution du modèle associatif des schèmes cognitifs de base à l'analyse structurale des représentations sociales // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV. № 405. P. 196–202.

26. Jodelet D. Représentations sociales: phénomènes, concept et théorie // *Psychologie sociale* / Ed. S. Moscovici. Paris: PUF, 1984. P. 357–378.
27. Le Bouedec G. Contribution à la méthodologie d'étude des représentations sociales // *Cahiers de psychologie cognitive*. 1984. V. IV. № 3. P. 245–272.
28. Lo Monaco G., Guimelli C. Représentations sociales, pratique de consommation et niveau de connaissance: le cas du vin // *Les Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 2008. № 78. P. 35–50.
29. Mamontoff A.M. Pratiques nouvelles et transformation de la représentation de l'identité: le cas des gitans sédentaires et des gitans nomades // *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 1996. № 29. P. 64–77.
30. Moliner P. Validation expérimentale de l'hypothèse du noyau central des représentations sociales // *Bulletin de psychologie*. 1988. T. 41. № 387. P. 759–762.
31. Moliner P. ISA: L'induction par scénario ambigu. Une méthode pour l'étude des représentations sociales // *Revue Internationale de Psychologie Sociale*. 1993. № 2. P. 7–21.
32. Moliner P. Les méthodes de repérage et d'identification du noyau des représentations // *Structure et transformation des représentations sociales* / Ed. C. Guimelli. Paris: Delachaux & Niestlé, 1994. P. 199–232.
33. Moliner P. La Dynamique des représentations sociales: pourquoi et comment les représentations se transforment-elles? Grenoble: PUG, 2001.
34. Moscovici S. La psychanalyse, son image et son public. Paris: PUF, 1961.
35. Pachtchenko-de Preville E. Penser la responsabilité en Russie et en France: études des représentations sociales chez les étudiants russes et français. Lille: ANRT, 2006.
36. Rouquette M.-L. Représentations et idéologie // *Des attitudes aux attributions. Sur la construction de la réalité sociale* / Eds. J.-C. Deschamps, J.-L. Beauvois. Grenoble: PUG, 1996. P. 163–173.
37. Rouquette M.-L. La communication sociale. Paris: Dupon, 1998.
38. Rouquette M.-L., Râteau P. Introduction à l'étude des représentations sociales. Grenoble: PUG, 1998.
39. Souchet L., Tafani E. Pratiques, engagement et représentations sociales: Contribution expérimentale à un modèle de la dynamique représentationnelle // *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 2004. 63. P. 81–92.
40. Staerkle C., Clemence A., Doise W. Representation of human rights across different national contexts: The role of democratic and non-democratic populations and governments // *European Journal of Social Psychology*. 1998. 28(2). P. 207–226.
41. Valence A. Les représentations sociales. Bruxelles: De Boeck, 2010.
42. Vergès P. Représentations sociales de l'économie: une forme de connaissance // *Les représentations sociales* / Ed. D. Jodelet. Paris: PUF, 1989. P. 387–405.
43. Vergès P. L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de Psychologie*. 1992. T. XLV. № 405. P. 203–209.
44. Vergès P. Approche du noyau central: propriétés quantitatives et structurales // *Structures et transformations des représentations sociales* / Ed. C. Guimelli. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1994. P. 233–254.
45. Vergès P. Représentations sociales partagées, périphériques, indifférentes, d'une minorité: méthodes d'approche // *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 1995. № 28. P. 77–95.
46. Vergès P. EVOC2000© software for the analysis of the free association task. LAMES CNRS, 2000.
47. Vergès P. L'analyse des représentations sociales par questionnaires // *Revue française de sociologie*. 2001. V. 42. № 3. P. 537–561.

SOCIAL REPRESENTATIONS OF RESPONSIBILITY IN RUSSIAN AND FRENCH YOUTH: CROSS-CULTURAL ANALYSIS

E. Pachtchenko-de Preville*, E. Drozda-Senkowska**

* *PhD, member of Federation of researches, Institute for faculties' training, Orleans University, France;*

** *PhD, professor, director of Institute of Psychology of Paris Descartes, France.*

The results of cross-cultural study of social representations of responsibility in Russian and French students are presented. Comparative analysis of findings from the first (1997–1998, $N = 344$) and the second (2004–2005, $N = 810$) stages of the study reveals significant differences in dynamics of social representations of responsibility in students of two countries: relative stability for French youth and evolution of representations for young Russians.

Key words: social representations, transformation of representations, responsibility, cross-cultural analysis.